

Платон и психоанализ

Глеб Напреенко

Чего в любви знать невозможно?

GLEB NAPREENKO

WHAT IS IMPOSSIBLE TO KNOW IN LOVE?

ABSTRACT. Jacques Lacan in his seminar on *Transference*, commenting on Plato's *Symposium*, pays special attention to the answer which Socrates gives to Alcibiades in response to the latter's love speech, interpreting it in terms of metonymy of desire. Lacan also highlights the importance of Aristophanes' speech that touches on the problem of the connection between love and sexual difference which is crucial for psychoanalytic experience. The article proposes to review these and some other moments in Lacan's commentary on the *Symposium* in terms of Lacan's later body of work: these are the terms of the differences and connections between truth and the Real. Seminars entitled *The Reverse Side of Psychoanalysis* and *Encore* are especially important here. Love is, thus, the Real which is interpreted by desire and the product of this interpretation is knowledge. If such interpretation is produced in the unconscious, the effect of partly-voiced truth starts to operate for the subject. However, neither knowledge nor truth can grasp the Real of love as a whole: it is here that Socrates' interpretation given to Alcibiades is unsuccessful from the point of view of psychoanalysis, even though it is true. The article has a clinical bias, dealing with the question of psychoanalytical interpretation and its effects in psychoanalytic practice.

KEYWORDS: truth, the Real, desire, love, interpretation, knowledge, Socrates, Alcibiades, Lacan.

Реальное и истина

Я предложу прочтение платоновского «Пира» и комментария к «Пиру» в семинаре Жака Лакана «Перенос»¹ в рамке противопоставления, различения двух понятий, отношения между которыми Лакан подробно разрабатывал в своем преподавании позднее, например в семинаре «Изнанка психоанализа»². Это понятия истины и Реального. Ориентация на истину и на Реальное — два разных способа понимания психоаналитической практики.

Попытаюсь раскрыть этот тезис на материале «Пира» и его анализа Лаканом. Чтобы сориентировать тех, кто не слишком погружен в специфику лакановской терминологии, сначала в первом приближении охарактеризую понятия «истина» и «Реальное» в контексте опыта психоанализа. О Реальном будет идти речь как о сопротивляющемся смыслу и пониманию, о том, что, не поддаваясь им, в итоге всегда оказывается на том же месте в сети символических координат. Истина же, не вписываясь в антитезы правды и лжи или знания и неведения, будучи всегда лишь частично, наполовину высказанной, оставаясь намеком, производит, как называет это Лакан, «эффект истины», — когда, например, хочется воскликнуть «Эврика!» или «Что-то в этом есть!». Этот эффект истины в первый момент приносит не обнаружение знания, хотя это становится затем его последствием, но падение знания, потерю субъектом точки опоры на знание³. Прикоснуться к отношениям истины и Реального нам позволит проблема сочленения любви и желания в «Пире» — в том числе в финальном диалоге Алкивиада и Сократа.

Вокруг Реального

«Пир» строится вокруг вопроса о любви, но оставляет ответ в некоем резерве, в не вполне доступной сердцевине кольца из

¹ См. Лакан 2019.

² См. Лакан 2008.

³ Лакан 2008: 236.

речей пирующих участников диалога. Прихотливость композиции «Пира» определяется также многократным использованием рассказов в рассказе, своего рода двойных и тройных концентрических рам — в том числе в речи Сократа, где тот рассказывает о своей встрече с Диотимой. Здесь вспоминается, как Лакан сравнил вставной памфлет «Французы, еще одно усилие, если желаете стать республиканцами...» в «Философии в будуаре» маркиза де Сада со сновидением в сновидении, указывая, что такое второе, вложенное сновидение всегда ближе к Реальному, — иначе говоря, содержит в себе то, что Фрейд называл пуповиной сновидения⁴.

Хотя заключительной в серии речей во славу Эрота в «Пире» оказывается речь Сократа, нельзя сказать, что именно она служит кульминацией текста — кульминаций в «Пире» целый ряд. Речь Сократа — лишь одна из них, и мысль могла бы двигаться и дальше, на что указывает поднятый в возражение Сократу палец Аристофана, на который особо обращает внимание Лакан⁵. Но происходит обрыв этой цепочки — на сцену выходит Алкивиад и производит самую откровенно страстную из всех речей «Пира».

Можно сказать, что в этот момент заявляет о себе что-то Реальное в любви — но можно ли сказать, что на сцену в речи Алкивиада выходит истина о любви? И второй вопрос: способна ли интерпретация этой речи, которую дает Сократ⁶, которая нацелена на желание Алкивиада и которая производит эффект истины, ухватить это Реальное?

В ход диалога в «Пире» неоднократно вторгается то, что свидетельствует о Реальном тела: это и загадочный ступор Сократа в се-

⁴ Ср. Лакан 1966: 768.

⁵ Лакан 2019: 148.

⁶ «Мне кажется, Алкивиад, что ты совершенно трезв. Иначе бы так хитро не крутился вокруг да около, чтобы затемнить то, ради чего ты все это говорил и о чем как бы невзначай упомянул в конце, словно всю свою речь ты произнес не для того, чтобы посеять рознь между мною и Агафоном, считая, что я должен любить тебя, и никого больше, а Агафона — ты и больше никто. Но хитрость эта тебе не удалась, смысл твоей сатиры-силеновской драмы яснее ясного» (*Smr.* 222c, пер. С.К. Апта).

нях, и опьянение, в том числе опьянение Алкивиада, и, наконец, икота и чихание Аристофана — который, повторюсь, имел что-то возразить Сократу. Именно миф, рассказанный Аристофаном, вводит в развертывание «Пира» вопрос о половом различии: как и подобает комику, Аристофан не чурается грубой телесности.

В связи с мифом Аристофана вспоминается характеристика любви, которую Лакан даст много позже семинара «Перенос»: любовь восполняет несуществование сексуальной связи⁷. Одна (но не единственная!) из версий того, как можно реализовать эту функцию любви — превратить любовь в попытку зашить Реальное другого пола. Зашить, например, при помощи мифа, как то делает Аристофан, рассказывая о любви как о попытке восстановления единства, утраченного после события, создавшего пол в его нынешней форме: разрезания тел людей на две половинки. Миф вообще в лакановских терминах можно определить как конструкцию, позволяющую что-то сформулировать о Реальном и выстраиваемую вокруг Реального — вокруг того, что не подлежит пониманию — будь то вопрос происхождения мира или полового различия.

Но как ни крути, какие мифы о любви ни складывай, она неизбежно затрагивает факт наделенности человека полом — хотя сама пола не ведает. И так здесь встает вопрос о неведении, обнаруживаемом в любви.

Любовь не ведает

Это неведение, связанное с тем, что любовь задевает Реальное, может быть разным: либо радикальным, либо опосредованным, то есть проинтерпретированным бессознательным и желанием.

Первый случай — случай лакановской *форкклюзии*, или же фрейдовского *Verwerfung*, которые обычно связывают с психозом. Здесь Реальное Другого (в конечном счете, Другого пола) — Реальное, к которому отсылает любовь, — не вполне схвачено бес-

⁷ Лакан 2011: 56 ff.

сознательным, следствием чего могут быть психотические элементарные феномены, возникающие там, где встает загадка любви. Эффект истины — который является одной из форм проявления бессознательного — не становится тут достоверным прибежищем для Реального Другого пола. Однако вместо бессознательно обойти с Реальным может позволить что-то иное, что может быть сконструировано субъектом.

Второй случай — случай вытеснения; в качестве примера тут можно привести истерию, в которой субъект порой преподносит партнеру несуществование сексуальной связи как дар любви — увязывая тем самым любовь и пол. Такой дар возможен благодаря бессознательному знанию — которое конструирует версию сексуальной связи, охватывая причину желания, и в случае истерии позволяет поддерживать это желание как неудовлетворенное. Именно бессознательное знание — как канва для желания и версия относительно возможности сексуальных отношений (например, инфантильная сексуальная теория) позволяет истине организовать доступ к Реальному.

В контексте различения Реального и истины важно, что радикальное неведение в той или иной мере присуще всем любящим: в любви всегда есть нечто, что желание опосредовать неспособно. Недаром любовь не только следует готовой канве того знания, что раз за разом повторяет в своей жизни субъект, но и требует особого случая — случайности встречи, где заявляет о себе иной лик Реального. Однако на первый план в «Пире» выходит место любви между неведением и знанием именно как проблематика опосредования любви желанием.

Пример тому, как обращает внимание Лакан, — характеристика, которую дает своей речи во славу любви трагический поэт Агафон: он определяет свой монолог как смесь шутки и серьезности. Более того, в ответ на замечания Сократа он заявляет, что сам не знал, что говорил. Лакан высоко ценит речь Агафона за содержащиеся в ней уклонения, двусмысленности, способные порой полностью перевернуть смысл высказываемого, — и обнаружи-

ваются эти двусмысленности на уровне означающих, на уровне оттенков смыслов конкретных греческих слов, по большей части теряющихся в переводе⁸.

Отвечая Агафону, Сократ в своей речи, в том числе ссылаясь на Диотиму, прямо размещает Эрота между знанием и невежеством — на уровне *доксы*, мнения, способного быть истинным без того, чтобы его носитель отдавал себе в этой истинности отчет. На это особо указывает Лакан: давать то, чего не имеешь, — то есть, согласно лакановской формуле, любить, — означает в данном случае давать знание, которым не обладаешь⁹. В мифе, рассказываемом Диотимой, встреча знания и неведения лежит у истоков любви, в сцене зачатия Эрота: Апория знала, что совокупляется с Поросом, но Порос не знал, что с ним совокупляется Апория.

Лакан обращает внимание, что знание, извлекаемое в сократических диалогах, это *эпистема*, которую Сократ пытается вывести из самих соединений и отсылок между означающими, из ткани языка как таковой¹⁰. Вместе с тем знание, полученное Сократом от Диотимы, совершенно иное — это знание мифа. Но Сократ будто не видит между ними противоречия — на чем также делает акцент Лакан¹¹. Сократ как бы зашивает при помощи речи Диотимы разницу между *эпистемой* и мифом — и покрывает, залатывает зияние Реального истиной.

Любовь толкуется желанием

Вслед за Диотимой Сократ говорит о последовательном ступенчатом восхождении ввысь путем любви — и Лакан сравнивает это решение с заменой любви метонимией желания¹². Один из мифических образов этой метонимии в речи Диотимы — цепочка беременностей и рождений при продолжении рода (*Smr.* 206b–212c).

⁸ Лакан 2019: 122–123.

⁹ *Ibid.* 145.

¹⁰ *Ibid.* 114.

¹¹ *Ibid.* 148.

¹² *Ibid.* 144.

Совсем иной образ беременности возникает в речи Алкивиада — беременности остановленной, зафиксированной — беременности как фетишистской версии схватывания Реального, как сокровища-агальмы в чреве силена-Сократа (*Smp.* 216de–217a, 222a).

С точки зрения истины интерпретация Сократа, данная в ответ Алкивиаду, точна и восстанавливает статус истины как несводимой к правде. Хотя Алкивиад повторяет, что говорит настоящие, правдивые вещи и что Сократ не может обвинить его во лжи, Сократ возражает ему — обращая внимание на как бы второстепенное, незначай сделанное упоминание Агафона в финале речи Алкивиада, то есть на неведение Алкивиада в отношении собственных слов. И Сократ предлагает Алкивиаду опосредовать это неведение метонимическим смещением — вписать страсть в языковую цепочку желания, где от Сократа следует переход к Агафону (*Smp.* 222cd).

И вместе с тем интерпретация Сократа игнорирует некоторое Реальное — Реальное, прикрытое своего рода фетишизмом Алкивиада. В семинаре «Ключевые проблемы психоанализа» Лакан — вероятно, неявно отсылая к приписываемому Платону диалогу «Алкивиад первый» (*Alc.* 1 133a) — формулирует, к чему именно привязано желание Алкивиада: к отражению в зрачке Сократа, где Алкивиад желал бы увидеть свой образ¹³. То есть, говорит Лакан, речь об объекте *a*, объекте-причине желания в форме взгляда — о том объекте, что вызывает цепочку метонимий, а не просто проскальзывает по ней в облике пустоты подобно тому, как сам Сократ пытается быть неуловимым пустым местом в ведомах им диалогах. И потому интерпретация Сократа, будучи истинной, в конечном счете оставляет Алкивиада искать того же самого, что и ранее, пусть даже уже и не в Сократе, — искать все той же агальмы¹⁴.

¹³ Лакан 2015: 132.

¹⁴ Лакан 2019: 177.

Желание позволяет извлечь из Реального любви то знание, которое может быть субъективировано в качестве бессознательного и благодаря которому становится возможен эффект истины. Но этим Реальное любви не исчерпывается. И тут помогут сориентироваться размышления Лакана, высказанные им уже после семинара «Перенос», — размышления, позволяющие, в том числе, иначе взглянуть на психоаналитическую работу с психозами.

И уже в «Переносе» Лакан — прося у слушателей, впрочем, не придавать этому излишне большого значения — задается вопросом о сродстве сократического подхода к *эпистеме* с психозом¹⁵. Тут можно спросить также — какова же природа уверенности Сократа в том, что он может, взглянув на пару, безошибочно сказать, кто в ней — любящий, а кто — любимый? (*Ly.* 204bc)

Литература

- Лакан, Жак (2008), *Семинары. Книга 17: Изнанка психоанализа (1969/70)*. Пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2011), *Семинары. Книга 20: Ещѐ (1972/1973)*. Пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2019), *Семинары. Книга 8: Перенос (1960/61)*. Пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос.
- Lacan, Jacques (1966), “Kant avec Sade”, in Id., *Écrits*, 765–790. Paris: Éditions du Seuil.
- Lacan, Jacques (2015), *Séminaire 12: Problèmes cruciaux pour la psychanalyse* (texte inédit). URL: <http://staferla.free.fr/S12/S12.htm>

¹⁵ Лакан 2019: 114–115.